



Аспирант

– Да как Вы могли?! Как могли?! Вы кто – физик или лжеученый? Если физик – то и занимайтесь физикой! Если намерены заниматься астрологией и хиромантией – занимайтесь ими, но только в другом месте!

– Павел Эдуардович! – попытался подать голос Костя Кожевников, аспирант академика Круглова – известного специалиста в области физики плазмы, а также рьяного борца с разного рода *лженауками* типа астрологии и хиромантии.

– Что, Павел Эдуардович?! – продолжал бушевать академик. – Что?! В какое положение Вы поставили меня, Костя, напечатав эту свою дурацкую статью в центральной российской газете?! Да надо мною весь научный мир смеяться будет: Константин Кожевников, аспирант академика Круглова – главного российского борца со лженаукой, становится на защиту этой самой лженауки.

– Я не встал на ее защиту, – попытался снова подать голос аспирант. – Я...

– Как не встали! – негодование почтенного ученого от последних слов своего аспиранта усилилось в несколько раз. – Как не встали! А кто, спрашивается, написал, что разного рода оккультные науки типа астрологии и хиромантии следует изучать? Зарубите себе на носу, Костя, изучать можно только настоящие науки – такие, как математика, физика, химия, биология, а не лженауки вроде астрологии или хиромантии. Последние не изучать следует, с ними следует решительно бороться.

– Павел Эдуардович! – в очередной раз попытался возразить аспирант

своему высокоавторитетному шефу, академику, профессору, лауреату Государственной премии и неоднократно номинанту на премию Нобелевскую.

На этот раз светило российской науки, устав, вероятно, от учиненной им головомойки своему подопечному, решило перевести дух и позволило что-то сказать бедному парню:

– Вы, Костя, что-то хотите сказать мне?

– Павел Эдуардович! – почти плаксивым голосом торопливо заговорил аспирант. – Под изучением астрологии и хиромантии я понимаю не изучение их положений и правил. Я понимаю совсем другое...

– Что же именно? – спросил саркастическим тоном действительный член Российской академии наук.

– С моей точки зрения, Павел Эдуардович, их следует изучать как явления нашего бытия. Так сказать, с социальной, что ли, точки зрения.

– С социальной, значит?! – тон академика снова не сулил его аспиранту ничего хорошего.

– Ну да...

– А Вы, Костя, кто – социолог или физик?

– Физик, Павел Эдуардович, физик.

– А раз физик – то и занимайтесь физикой и немедленно выбросьте из головы все эти астрологии и хиромантии. Надо же, придумал: линии на ладонях рук могут быть жизненной программой человека. Кто же эту программу составил, смею поинтересоваться?

– Точно сказать не могу, могу лишь предположить.

– Ну что ж, предположите, – милостиво разрешил академик.

Аспирант призадумался. Казалось, он мучительно подбирал подходящие слова для ответа своему разгневанному руководителю темы. Не дай Бог, не то слово употребишь – и снова разразится буря, тут каждое слово необходимо тщательно взвесить.

Наконец Костя решился открыть рот:

– Павел Эдуардович, это всего лишь мое предположение. Могут быть и другие.

– Других пока не надо, хватит с меня и одного. Итак...

– Павел Эдуардович! Как известно, наша Вселенная существует где-то пятнадцать-шестнадцать миллиардов лет...

Тут Круглов весьма невежливо перебил аспиранта:

– Удивительно, Костя, что Вы не назвали цифру пять тысяч семьсот семьдесят восемь. С Вас станется.

Ошарашенный аспирант пролепетал в ответ:

– А что это за цифра – пять тысяч семьсот семьдесят восемь?

Немедленно последовал ответ академика:

– По иудейскому календарю, это – количество лет от сотворения мира и по сегодняшний день. Если судить по Вашей публикации в газете, то цифра эта должна быть куда “любезней” Вашему сердцу, чем цифра, определяющая возраст нашей Вселенной. Миллиарды лет от ее сотворения, от Большого взрыва – это наука, а каких-то там пять-шесть тысяч лет от сотворения мира – это та же астрология, столь любезная Вашему сердцу. Ладно, продолжайте.

Снова собравшись с духом, бедный аспирант продолжил свои пояснения:

– Наша солнечная система существует пять-шесть миллиардов лет, – тут аспирант замолчал, ожидая очередной ехидной реплики от своего шефа, но на этот раз ее не последовало. Тогда Кожевников принялся дальше развивать свою мысль:

– Цивилизация на Земле существует вообще пять или шесть тысяч лет.

Стало быть, в нашей Вселенной могут существовать цивилизации, опередившие нас в своем развитии на миллиарды лет. Допустим, они решили поставить какой-то эксперимент на нашей Земле, что-то смоделировать. Они создали человечество...

– Пять тысяч семьсот семьдесят восемь лет тому назад? – съехидничал академик.

– Возможно, и так, – пролепетал аспирант и втянул голову в плечи, ожидая девятого вала академического гнева, однако в ответ он услышал только сокрушительный вздох академика и увидел кивок его головы – продолжайте, дескать, свой бред.

“Бред” продолжился:

– Значит, они создали человечество и решили на нем поэкспериментировать, задали общую для него программу. В рамках этой общей программы создали, в свою очередь, подпрограммы на отдельных людях, определяющих в первую очередь развитие человеческой популяции...

– И кто же входит в круг этих избранных персон? – немедленно поинтересовался Круглов.

– Первые лица государства, гениальные предприниматели и финансисты, гениальные ученые, писатели, композиторы, великие полководцы – короче, все люди, значительно поднимающиеся над средним уровнем в своей сфере деятельности.

– А как со всеми остальными обстоят дела, с человеческой “массовкой”? – поинтересовался академик без иронических ноток в голосе.

– С этими все просто – для них разработали набор стандартных подпрограмм.

– Понятно, понятно...

Аспирант насторожился: похоже, “понятно, понятно” грозило новым шквалом. Тут лучше было остановить свои объяснения и подождать развития дальнейших событий. Они последовали незамедлительно.

– Костя, – тон академика из иронического перешел в весьма ехидный, – если следовать Вашей логике, то

и астрология – так же некая программа, заданная инопланетянами и для всего человечества в целом, и для отдельных его представителей – особо выдающихся?

– Именно так, Павел Эдуардович! Расположение на небе Солнца, Луны и планет в разных знаках и домах предопределяет и судьбы государства, и судьбы отдельных людей. В первую очередь, особо выдающихся. Судьбы гениев, как правило, жестко заданы. Судьбы же обычных людей – человеческой массовки, как Вы выразились – заданы весьма приблизительно. Обычные люди больше предоставлены самим себе, чем люди выдающиеся и великие.

Тут академик поинтересовался:

– А небесная программа и “программа на ладони” не противоречат друг другу?

Потерявший осторожность аспирант пошел с ответом:

– Думаю, нисколько не противоречат. Скорей всего, они дополняют одна другую.

После последних слов аспиранта академик снова разбушевался:

– Ну и необузданная же фантазия у Вас, аспирант Кожевников! Почему бы Вам не начать кропать фантастические рассказы? Хорошую бы добавку получили к аспирантской стипендии. Ну что с Вами теперь делать прикажете?...Да, кстати, как обстоят Ваши дела с решением уравнения Клейна–Гордона при интересующих нас с Вами условиях? Вот о чем Вы должны думать денно и ночью, а не о каких-то там инопланетянах. Интересно, для Вас они специальную программу придумали или решили обойтись стандартной, массовочной? А я как у них котируюсь? Тоже как представитель массовки или, может быть, как нечто более значительное?

Бедный парень понял – надо спешно спасать положение. Он быстро раскрыл свой портфель, вытащил оттуда несколько листов бумаги и немедленно протянул их своему шефу.

– Что это? – поинтересовался тот.

– Решение уравнения, Павел Эдуардович! – выпалил аспирант.

– Поглядим, поглядим! – буркнул Круглов и принялся просматривать протянутые ему вычисления.

В ходе их просмотра в помещении установилась тишина, время от времени нарушаемая академическими “гм, гм”, – естественно, со стороны негибачаемого борца со всякой лженаукой. Наконец Круглов отложил вычисления в сторону, хмыкнул еще разок и, глядя пристально в глаза своему аспиранту, сказал, причем тон академика становился все более и более суровым, а заодно и ехидным временами:

– Похоже, Костя, Ваше решение этого уравнения при заданных условиях верно. Похоже. Как Вы понимаете, сделать окончательный вывод я смогу лишь после тщательного изучения полученного Вами результата. Надо признать, человек Вы талантливый. Со временем вполне можете попасть в число людей, для которых экспериментаторы-инопланетяне составляют индивидуальные жизненные программы. Если уже не составили, при условии, конечно, что Ваше решение верно. Но предупреждаю – если Вы еще раз посмеете выступить в средствах массовой информации со своим антинаучным бредом, то можете искать себе другого научного руководителя. Все!

Разговор был закончен. Аспирант распрощался с шефом и в весьма расстроенных чувствах побрел к себе домой – в общежитие, где уютился в небольшой комнатке совместно с другим аспирантом; тот в это время был в командировке.

Кожевников открыл ключом входную дверь своей научной кельи, зажег свет и обнаружил в помещении человека – выражаясь несколько образно – какой-то не такой наружности. Собственно, наружность эта не так уж и отличалась от людской, но какие-то неуловимые различия тем не менее место имели и не могли не вызвать внимания со стороны других людей.

– Вы кто? – задал вполне естественный вопрос наш герой, придя немного в себя после обнаружения в своих скромных апартаментах столь неожиданного гостя.

Гость, однако, не торопился с ответом, внимательно, в свою очередь, разглядывая аспиранта. Тогда тот задал неожиданному посетителю второй вопрос, также вполне естественный:

– И вообще, как Вы здесь очутились? – Дверь-то в комнату была заперта.

Наконец незванный и неожиданный гость соизволил ответить:

– Да, Родий, заперта была. Да не для всех. А зовут меня Барий.

– Послушайте, любезный, может, Вас и зовут Барий, или Радий, или даже Гелий, но меня-то зовут не Родий, а Константин – Константин Васильевич Кожевников. И я не появляюсь в чужих апартаментах без разрешения их хозяев.

– Это похвально, Родий, – последовал ответ странного незнакомца. – Все дело, однако, в том, что Вы соизволили опубликовать в средствах массовой информации свои соображения относительно хиромантии и астрологии.

Уж чего-чего, а подобного ответа Кожевников никак не ожидал услышать: ну ладно, шефу его статья не понравилась, а этот-то почему недовольство высказывает?

– Вы – что, тоже борец с лженаукой и всяческой чертовщиной, как руководитель моей диссертации?

– Да нет, я координатор научного совета нашей планеты. Она находится в другой галактике на расстоянии в несколько миллиардов световых лет отсюда. Меня направили в этот мир, чтобы эвакуировать из него Вас, Родий. А чтобы Вы не задавали мне лишних вопросов, я для начала разблокирую Вашу память, и Вам все сразу же станет ясно.

После этих слов существо, называвшее себя Барием, вынуло из внутреннего кармана своей одежды нечто, напоминающее по конфигурации электрический фонарик и направило

его одним концом на нашего героя. Затем раздался короткий щелчок, и человек, именуемый себя на Земле Константином Кожевниковым, мгновенно вспомнил свое прошлое из совсем другой жизни.

Прошлое – как прошлое: мама, папа, детство, отрочество, юность и, наконец, ОНА – Аргентия и его несчастная к ней любовь. И в конечном итоге его желание забыть обо всем на свете. И он забыл, отправившись на далекую планету по имени “Земля” в качестве участника некоего научного эксперимента, поставленного учеными его звездной системы. И вот теперь отзывают обратно: блокировка его памяти дала некий сбой, поставив под вопрос благополучное завершение всего научного проекта. Своей публикацией в одном из средств массовой информации на Земле он фактически раскрыл суть осуществляемой научной работы. Разумеется, земляне восприняли его публикацию как некую оригинальную гипотезу одного из жителей своей планеты. Им и в голову не могло прийти, что автором статьи был инопланетянин. Но имел место неприятный прецедент и крайне желательно, чтобы у него не было никаких последствий.

Жил однажды на Земле некий Юлий Цезарь. Он выразился как-то по поводу своей супруги: “На жене Цезаря не должно быть и тени подозрений”. Так вот у землян не должно быть и тени подозрений относительно присутствия на их планете представителей другой цивилизации, осуществляющих некий эксперимент. И, стало быть, невольного виновника экспериментальной осечки лучше всего было бы отправить обратно домой, а в сам эксперимент внести изменения, практически сводящие влияние этой самой осечки к нулю.

Но Родий совсем не торопился вернуться домой. Он полюбил этот мир, несмотря на все его мерзости, и не навидел родную планету, где был так несчастен.

– Барий! – решительно сказал аспирант своему неожиданному посетителю. – Я не хочу возвращаться, хочу остаться

на Земле. Обещаю, никаких проблем со мной у Центра больше не случится.

– Остаться на Земле для Вас равносильно самоубийству. Взгляните-ка на ваши ладони!

Родий посмотрел на свои ладони и все сразу понял. На них не было ни единой линии: временная жизненная программа его существования на этой планете была стерта. На Земле он стал как бы “вне закона”, был совершенно не защищен. На каждом шагу его поджидала смертельная опасность.

– Понятно... – невесело сказал Родий и принялся собираться в обратную

дорогу, на свою планету, где когда-то он был столь несчастен... Сборы были недолгими.

Остается лишь упомянуть, что решение уравнения Клейна–Гордона, найденное нашим героем, оказалось верным. Прошло несколько лет, и оно вошло во все монографии и учебники по математической физике под названием “решение Круглова–Кожевникова”. А в академических кругах и России, и всего мира до сих пор говорят о без вести пропавшем молодом ученом, который подавал столь большие надежды.

Эмиль ВЕЙЦМАН

Информация

Как найти инопланетные формы жизни?

Чуть более 80 лет назад человечество впервые начало вещание радио- и телевизионных сигналов, они “распространились” в межзвездном пространстве. Возможно, еще тогда кто-то из живущих в далекой звездной системе, смог поймать сигналы с Земли и опознать их как сообщения, посылаемые разумными существами.

В 1960 г. американский астроном Фрэнк Дрейк первым предложил поискать такие сигналы, возможно, исходящие от других звездных систем, используя большие радиотелескопы; этим он положил начало поиску внеземного разума (программа SETI; Земля и Вселенная, 2002, № 5, с. 108–109; 2009, № 4). За прошедшие полвека мы обзавелись куда более

эффективными способами распространения связи по всему миру, чем передача радио- и телевизионного сигналов. Имеет ли смысл искать инопланетян в электромагнитном спектре? Поставленный вопрос дает возможность критически взглянуть на наш технологический прогресс и ответить: может ли он так же развиваться в другом месте Вселенной?

Если наши радиосигналы “путешествуют” по межзвездному пространству 80 лет, то возникает предположение о том, что лишь высокого уровня цивилизации, в пределах 80 св. лет от нас, имеют возможность их получить, и лишь цивилизации в пределах 40 св. лет от Земли могли отправить сигналы, которые пришли бы к нам сейчас. Если вопрос парадокса Ферми сформулирован как “где все?”, то ответом будет безусловно не в пределах ближайших 40 св. лет”.

Где искать разумную жизнь во Вселенной? Ведь на расстоянии в 40 св. лет от Земли находятся не менее 1 тыс. звезд. К тому времени, как минет это

столетие, высока вероятность того, что сигналы перестанут покидать Землю вообще. Возможно, представители инопланетной цивилизации, которые будут следить за нами все это время, решат, что жизнь на Земле достигла определенного уровня развития интеллекта и технологий, затем самоуничтожилась и прекратила передачу сигналов. Может быть, судить о существовании цивилизации по наличию или отсутствию электромагнитного сигнала вообще неправильно?

Если смотреть на Землю в видимом спектре, то становится очевидным: мощное свечение городов будет безошибочно указывать на нашу активность. Однако это “световое загрязнение” относительно новое, причем мы постепенно учимся им управлять и контролировать его. Возможно, к концу века Земля по ночам будет выглядеть так же, как миллиарды лет – темной, не считая полярных сияний, разрядов молний или извержения вулканов. Но если искать не электромагнитные